

Алексей Пасуев

Музей детства из Нового Уренгоя

Уже несколько лет на фестиваль «Рождественский парад» в Санкт-Петербург приезжает маленький театр из Нового Уренгоя. Каждый раз он увозит с собой значимые фестивальные награды. В его команде всего два человека – Елена и Михаил Новиковы. Елена – драматург, режиссер и сценограф этого коллектива, Михаил – актер, воплощающий ее замыслы на сцене.

Театр называется «Музей Детства “1 ряд”» – в этом имени заложен ключ к его устройству и предназначению. «1 ряд», потому что камерный – работает со своим зрителем буквально на расстоянии вытянутой руки; «Музей Детства», потому что именно образы детских игр, воспоминаний, фантазий становятся сюжетной и драматической основой спектаклей.

Первой постановкой коллектива было «Путешествие по временам года». Спектакль развивается как ассоциативная цепочка визуальных образов, звуков, мелодий, конкретных вещей, связанных с миром воспоминаний Елены Новиковой (не случайно в сценарий вплетены сюжетные мотивы из произведений двух классиков детской литературы советской поры – Юрия Яковлева и Виктора Голявкина).

Все предметы появляются из небольшого потертого чемодана без ручки («и нести тяжело, и выбросить жалко»), снятого с антресолей во время переезда и разбираемого у нас на глазах. Вот трубка от старого пылесоса, выполнявшая в детских играх роль громкоговорителя, пара вязаных перчаток с пестрым рисунком, а вот (внезапно!) пригоршня самого настоящего снега, из которого тут же лепится маленький снеговик. Он начинает быстро таять под яркими театральными софитами, капельки стекают со стола и звонко барабаниют по перевернутой металлической кружке – словно весенняя капель за окном.

Спектакль – синтез живого плана, театра кукол, театра предмета и театра художника. В центре единственный исполнитель – актер Михаил Новиков, с легкостью перепрыгивающий из одного способа существования в другой: и рассказчик, и персонаж, и кукловод в одном лице. Вот он в живом плане читает старое потрепанное письмо себе маленькому от девочки Лены, с которой познакомился летом на даче, – а в следующую секунду буквально «из ничего» (воздушного шарика, надувающегося каким-то волшебным образом, бутылочки, кусочка ткани и нескольких перышек) создает на глазах у зрителей эту героиню.

Волшебство этой постановки именно такое – разом театральный эффект и опыт из советской книжки «Занимательная физика». С возрастным адресатом спектакля тоже не все так просто: он существует будто сразу на нескольких зрительских этажах. Для взрослых это ностальгические воспоминания о детстве, о бабушкином доме в деревне – с керосиновой лампой, поющим сверчком и спрятанным под половицу девчачьим «секретиком»; для детей – история знакомства и дружбы двух главных героев, девочки Лены и мальчика Миши.

М. Новиков.
«Путешествия по временам
года».
«Музей Детства “1 ряд”».
Фото И. Чепурова

До поры до времени их линии развиваются параллельно. Вот Лена рассказывает, как однажды летом обошла всю деревню в поисках куда-то запропастившейся бабушки. Голос Елены Новиковой звучит из динамика потрескивающего дачного приемника красиво и размеренно – словно часть какой-то радиопостановки. А в следующем (осеннем) эпизоде рассказ Миши о подаренной ему на день рождения игрушечной железной дороге перерастает в красочное повествование о самом настоящем железнодорожном путешествии в ноябрьские праздники (иллюстрирующие этот рассказ картинки сменяются в окне вагона будто кадры диафильма).

Пути героев пересекаются ближе к финалу. Комичная вроде бы история их неудачного свидания на катке вдохновляет Мишу на создание кукольного театра. Подмостками становится тот самый чемодан без ручки, а декорацией – коробка от шоколадных конфет «Сказки Андерсена». В репертуаре единственный спектакль – «Стойкий оловянный солдатик», история долгожданной встречи после долгой разлуки. Бытовые подробности и конкретные переживания детских лет переплавляются в творчество и растворяются в нем почти без остатка.

Вторым спектаклем театра стала постановка пьесы «Дуня, клоун и щенок» – совместного сочинения режиссера Елены Новиковой и драматурга Анны Богачевой. Исполняется он тоже дуэтом – Еленой и Михаилом Новиковыми. В самом начале, еще только расставляя элементы

декорации, они обаятельно пикируются на глазах у зрителей, словно примеряя на себя образы главных героев пьесы – мечтательной одинокой Дуни и общительного добродушного (но не лишённого некоторого профессионального ехидства) клоуна Миши.

Линии этих персонажей и в спектакле диаметрально противоположны. Мир Дуни возникает как серия картинок на экране (теневой театр). Цветовая гамма рисунков очень сдержанная, то и дело переходящая в монохром. Жизнь героини будто и не реальность вовсе, а некий набросок, эскиз. Мечта стать актрисой обернулась работой диктором в парке, попытка избавиться от одиночества – покупкой щенка по газетному объявлению.

Клоун Миша сразу появляется в живом плане – подчеркнуто ярком, репризном. И тут же «идет в народ»: жмет руки (и ноги) детям, задает смешные вопросы родителям, показывает пантомиму. Его дом – огромный дорожный чемодан с кучей обитателей-коллег по цирковому цеху, его жизнь – ни на мгновение не прекращающийся труд по художественному преобразению окружающей действительности.

Щенок Тёма в тщательно очерченной, аккуратно организованной вселенной своей хозяйки с самого начала выглядит озорной беззаконной кометой. Довольно быстро он все там переворачивает вверх дном и, сделав «лужу» (Михаил Новиков открытым приемом наливает ее под ноги первому ряду прямо из пластиковой бутылки), сбегает в огромную неведомую реальность.

В следующую секунду перед нами не плоский рисунок, а живой и объемный персонаж – большой, лопоухий, лохматый. В законе этого спектакля именно такие трансформации: герои обретают себя в поступке, общении, творчестве. Вот Тёма натывается на огромный след, слепленный из красного пластилина. «Ой, это, кажется, мое!», – произносит клоун Миша, сминает «след» в комок и выбрасывает за кулисы.

Общение клоуна и щенка – веселая игра, построенная на искреннем взаимном интересе и постоянном творческом поиске. Игра с участием зрителей: именно они придумывают Тёме сценический псевдоним (на каждом спектакле новый), обсуждают варианты циркового номера, который мог бы его прославить, азартно сопереживают первым шагам на новом поприще.

Меняется и Дуня: уже в следующем эпизоде ее хрупкая одинокая фигурка медленно бредет по темному ночному городу в поисках пропавшего щенка. Рисунки сменяются здесь миниатюрной рукотворной

М. Новиков, Е. Новикова. «Дуня, клоун и щенок». «Музей Детства “1 ряд”».
Фото И. Макеева

пластикой: маленькие дома, деревья, льющие тусклый свет фонари. Пространство, одновременно завораживающее и холодное, пугающе безлюдное. В финале все основные линии спектакля счастливо сливаются воедино – в том самом парке культуры и отдыха, где Дуня работает диктором и куда приходят отдохнуть после долгой репетиции Миша и Тёма.

Красивый Дунин голос из динамиков буквально завораживает Мишу и подает счастливую идею – позвать ее в цирк шпрыхсталмейстером. В конце концов, именно совместное творчество гармонично объединяет всю троицу – своеобразным эпилогом становится пятиминутное цирковое представление с клоуном Мишей, Дуней-ведущей и Тёмой – главной звездой программы.

Третий спектакль – «Как на свете первый актер появился» – основан на сказочном материале, но им не ограничивается. У автора идеи и текста Елены Новиковой возникла мысль не просто показать, как развивается на театральной площадке тот или иной древний сказочный сюжет, а попытаться понять, как в стародавние времена из публичного рассказывания (разыгрывания) этого сюжета могло зародиться само театральное искусство.

В аннотации сказано: «Как появился первый актер на земле? Почему? По версии театра первым актером был первобытный охотник!

М. Новиков. «Дуня, клоун и щенок». «Музей Детства “1 ряд”».
Фото Т. Лунько

Он умело подражал повадкам птиц и животных. Хорошо подражал – был сыт, плохо – оставался голодным...»

На сцене вновь один-единственный артист – Михаил Новиков. Только на этот раз он не оснащен всем разнообразием средств сегодняшнего визуального театра. Под рукой у него самые обыкновенные бытовые предметы. Спектакль (вот тут уж действительно!) начинается с вешалки: накинута на нее одежды, сгрудившейся под ней обуви и прислоненного где-то поблизости зимнего спортивного инвентаря. Все это – современный аналог вещей, окружавших некогда нашего далекого предка. Новиков облачается в старый растянутый свитер, просовывает в один из рукавов лыжную палку, прилаживает к ней кроссовку – и в следующую секунду уже вышагивает перед нами самый настоящий страус, вальяжно пощипывающий травку в африканской саванне. Остроумный пластический этюд? Да, но и почти прямая цитата из трудов Н.Е. Евреинова, возводившего происхождение театра к животной мимикрии, охотничьим ритуалам и театральному инстинкту первобытного дикаря.

Вроде бы все театральные элементы тут налицо: актер, роль, костюм, процесс наблюдения и репетиций. Но нет главного – зрителя, способного оценить искусство подражания безымянного древнего охотника и лицедея. Появление публики – это уже следующая ступенька театральной эволюции, провоцирующая расширение репертуара

М. Новиков. «Как на свете первый актер появился». «Музей Детства “1 ряд”».
Фото Г. Лоскутовой

и его усложнение. Недостаточно убедительно изобразить персонажа – следует рассказать о нем связную историю. И рождается первобытная драматургия – те самые сказки.

Первым отделением исполняется папуасская сказка «Даги – человек с очень длинной рукой». Текста здесь пока гораздо больше, чем театральной игры, да и персонажи скорее обозначены, чем всерьез воссозданы на сцене. Главный герой покрыт шерстью и одна рука у него гораздо длиннее? Все тот же растянутый свитер легко передаст и то, и другое. В жизни Даги Длиннорукого появляется молодая красивая женщина? Вполне довольно кокетливого взгляда и двух разноцветных перышек по бокам лица. Героине надоел страшноватый полузвериный облик возлюбленного, она отрезала его длинную руку и сбрила лишние волосы с тела? Михаил Новиков просто снимает свитер и отбрасывает его в сторону.

В финале Даги смотрит в плошку с водой и остается очень доволен своей новой внешностью. Возникает невольная визуальная перекличка с образом африканского страуса из пролога спектакля. Из участника охотничьего ритуала – странного, воинственного, звероподобного – наш лицедей перевоплощается в героя театрального представления – привлекательного, гармоничного, способного вызвать симпатию.

Вторым отделением играют ненецкую сказку «Два брата». Тут театральная реальность оказывается несравнимо богаче и разнообразнее рассказа. Вот из нескольких элементов – валенка, веточки и нагрудного значка участника фестиваля – формируется узнаваемый образ оленьей головы. Прибавить к нему пару лыж – и готова оленья упряжка. Потом из этих же лыж строится чум. Так, постепенно, шаг за шагом формируется пространство спектакля, в котором обитают его герои.

При всем минимализме внешних характеристик (один и тот же меховой воротник надевается то на манер капюшона, то шапки, то собственно воротника), они представлены на сцене предельно ярко и убедительно – будь то два брата-антагониста или вершащий их судьбу колдун-великан. Скорость актерских переключений (при абсолютно точном попадании в каждый образ) становится в какой-то момент просто головокружительной – как будто демонстрируемую нам театральную эволюцию поставили на ускоренную перемутку.

В финале спектакля перед нами опять современная прихожая, вешалка и уставший актер, собирающий им же разбросанные предметы. Вот он поднимает с пола меховой воротник – и тот внезапно оживает в его руках. Мяукает, ластится – словно самая обычная домашняя кошка. Такой вроде бы привычный и основополагающий в театре кукол прием: сделать живое из неживого, заставить неодушевленный предмет стать твоим партнером по сцене, сыграть роль, рассказать историю.

Театр «Музей детства “1 ряд”» рассказал уже не одну историю. И в какой-то момент решил поразмышлять не о мире вокруг себя, а о себе самом – своем происхождении, устройстве, предназначении. Он сделал это очень убедительно.